

ГЕРАКЛИЙ

Об Ираклии Андроникове

Независимая газ. — 1993. —
1 окт. — С. 7.

Зиновий Паперный

In memoriam

МОЖЕТ БЫТЬ, Ираклий Луарсабович Андроников был назван в честь царя Кахетии Ираклия II, жившего в XVIII веке. Будучи правителем Картли-Кахетского царства, он заключил с Россией Гегриевский трактат.

Но что можно совершенно точно утверждать — имя его восходит к Гераклу, Геркулесу. В самом облике, в одаренности Ираклия, в его напоре, любви к гиперболам и правда, нечто заставляющее вспомнить древнегреческого богатыря.

Я познакомился с ним — имею в виду не Геракла, а Ираклия, — когда был сотрудником «Литературной газеты». Однажды, примерно в 1948 году, он пришел к нам в редакцию. Трудно описать, что это такое — визиты Ираклия Луарсабовича. «На него» сбегалась вся редакция. Остальная жизнь газеты замирала. На звонки не отвечали. Никто не просил дорогого гостя начинать концерт. Это подразумевалось само собой. Все ждали, мучаясь от нетерпения. Вот только что он говорил обычным своим голосом... И — начинается изъясняться с какой-то курсивной подчеркнутостью. Что-то вроде не то «ага», не то «гм». На наших глазах творится чудо. Андроников не «вывает», а как бы «перевабывает» себя в Виктора Борисовича. И вот уже все в нем насквозь «шкловское» — интонации, ироническая усмешка, приговаривание (среднее между «ага» и «гм»), рука, как будто мнущая череп...

Один рассказ о Шкловском начинается так:

— Он шел, улыбаясь своим собственным мыслям.

Потом Виктор Борисович как-то стихал, речь снова становилась «своей», «шкловские» парадоксы уступали место андрониковским гиперболам, но тут же начинали звучать совсем другие ноты... Усталая повелительность глуховатого голоса, разговор по телефону с непрерывным, чуть раздраженным «алё»:

— Алё, голубчик, это Маршак говорит, да-да, тот самый, алё, я хочу передать поправку, алё...

Затем тембр голоса меняется, делается напевней, величавей. Это... это... Да ну, конечно же, Качалов — разговаривает с Алексеем Николаевичем, — Толстой шутит, смеется, всхрипывает как-то очень энергично, коротко — разразительными смешковыми взрывами.

За Шкловским, Маршаком, Качаловым, А.Н. Толстым послушно следуют Фадеев (хотите верьте, хотите нет: изображая его, Ираклий делается выше ростом), Остужев, Константин Симонов,

Сурков... Тут у Ираклия совершенно чудодейственный показ.

...Сейчас должен начаться вечер, посвященный уж не помню кому. Ждут Алексея Суркова. Как же без него! Но он задерживается. Тогда Ираклий предлагает собравшимся — он сделает вступительное «за» Суркова, но «от» него, его голосом, в его манере. Все согласны. Мы видим и слышим Суркова — в исполнении Андроникова. Но в это время врывается сам Сурков — во всей своей неподдельной натуральности. Можно сказать, живьем. И это — уже новая степень его, так сказать, сурковости. И тут уже начинается такой смех...

Так вот, стало быть, приходит к нам в редакцию И.Л. Андроников. Помню, он рассказывал тогда, что ему дают половину дачи Л.Н. Сейфуллиной. Она — то есть не Лидия Николаевна, а ее дача — превратилась в... развалюшку. Ираклий Луарсабович долго ищет слово. Я подсказал: в перебой.

«Перебой» — так назывался роман Сейфуллиной. Ираклий Луарсабович улыбнулся, мы познакомились и вскоре даже, смею сказать, подружились. Мне полюбилась милая, шумно-обаятельная семья Ираклия: воспитаннейшая Вивиана Абелевна, прелестно сочетавшие непосредственность с учтивостью дочки Манана и Эка — потом она уже стала называться не этим детским именем, а Катей.

В 1952 г. я задумал свою первую книжку — о мастерстве Маяковского. Решил из-за этого уходить из газеты. Но Симонов не посоветовал увольняться, сказал: возьмите месячный отпуск, я вам дам еще один за свой счет. Так я получил 60 дней, уединился, сел писать.

Когда я рассказал о своем замысле Андроникову, он не просто обрадовался — просиял, возликовал, как будто я собрался написать книгу не о Маяковском, а о нем. Пригласил меня в Переделкино — почитать первые главы.

И вот я с начальными черновыми главами еду к Ираклию. Меня шумно встречает все семейство. Начались рассказы, анекдоты, застолье. Ни о какой работе и речи быть не могло. Жена и обе дочки Ираклия собирались с дачи в город. Последовала долгая и веселая процедура прощания — с шутками, смехом, поцелуями. Остались мы с Ираклием и няней, которую он звал «нянюнди».

Ираклий говорит:

— Ну что, мы сейчас сядем работать? Оставитесь ночевать, а завтра займемся рукописью.

Я остался, «нянюнди» постелила мне в кабинете хозяина, ложимся спать. И только я стал отходить ко сну:

— Папирушкин (так он меня звал), вы не спите? Я пить хочу, схожу.

Он идет, «нянюнди» ворчит — пора уговориться, ночь на дворе.

Ираклий Андроников.

Возвращается он весьма довольный, смеется:

— Она сказала, что я ее разбудил и что я «мужлан».

Засыпаю, и вдруг опять сквозь сон:

— Папирушкин, вы не спите? Я зажгу на минутку свет: хочу прочитать у Дая — как он объясняет слово «мужлан».

Зажигается свет. Так, говорит Ираклий, «мужлан»... «Грубый, неотесанный мужик, неуклюжий парень». Все правильно.

Только теперь он успокаивается, и я наконец засыпаю.

Об Андроникове часто говорят: редчайший имитатор. Но это еще не все. У Ираклия Луарсабовича все начинается с мощного, спонтанного чувства добра. С какого-то мистического дара — умения переселиться в душу другого человека. Он не просто «показывает» Качалова, но прежде всего любит его, ощущает изнутри, вкладывается, вслушивается, старается «вчувствоваться» в его существо.

Такие люди, как Ираклий Луарсабович, очень нужны нам теперь. Пусть никого не изображают — просто любят.

Андроников был несравненный знаток русской классической литературы и — литературы XX века. Он знал Лермонтова, как никто. Но значение его работы как лермонтоведа преувеличивать не стану. Он подходил к изучению автора «Демона» не как специалист, не как доктор наук, а как... Ираклий Андроников. Как бы воссоздавал живую плоть лермонтовского стиха, вкладываясь в картины, пейзажи, исполненные поэтом и живописцем, тщательно сличал их с грузинским ландшафтом. Для него изучать поэта значило прежде всего осязать его.

Вспоминаются слова Маршак:

— Когда наши критики берут в руки какую-нибудь художественную деталь, кажется, будто у них руки в варежках.

К кому-кому, а к Андроникову это не относится.

В 1970 году я написал пародию

на роман Вс. Кочетова «Чего же ты хочешь?», за что был с треском исключен из рядов КПСС и лишь чудом уцелел на работе в институте. После этого я сам никому не звонил первый — как персона нон грата. Отношения с моими друзьями стали еще более тесными — с Л.Ю. Брик, В.А. Ката- ньяном, Л.Б. Либединской, Л.Г. Зориним, А.С. Берзер, — называю лишь некоторых. Наступил перерыв в отношениях с Ираклием. Это меня мучило. Оставалось только ждать. И вот раздался долгожданный звонок. Ираклий Луарсабович, не касаясь нашего «тайм-аута», приглашал меня к себе. Он жил тогда на улице Кирова — теперь, слава Богу, уже опять Мясницкой — на пятом этаже. Мы уехали у него на кухне, и он сказал:

— Папирушкин, мы долго не виделись. Давно я вам ничего не показывал. Давайте так — вы называете, кого хотите, а я тут же покажу.

И начался незабываемый вечер Ираклия Андроникова с аудиторией, состоявшей из одного человека. Мне кажется, это был самый лучший его вечер. Он «выкладывался» как будто перед тысячной аудиторией.

Я говорил: «Ливанов!», и мой возглас, как магическое заклинание, вызывал к жизни Бориса Николаевича, потом — Пастернака, читающего стихотворение «Ночь» — «Идет без проволок/ И таит ночь, пока...», затем.. и еще, и еще.

Странное дело: лишь одного человека Ираклий не мог воссоздать с такой полнотой и похожестью, как всех остальных, — Корнея Ивановича Чуковского. Даже не знаю, почему, но что-то от него ускользало.

Сам Чуковский его просто обожал, слушая и созерцая, покатылся со смеху. А когда Ираклий начинал рассыпаться перед кем-нибудь в восточных комплиментах, Корней Иванович весело кричал:

— Ну пошел валать ваньку!

А дальше — гибель дочки Ираклия Мананы. Я пришел к нему и Вивиане Абелевне на следующий день. Ираклий был и похож на себя, и не похож. Горе изменило его, но он как-то по-царски владел собой, о том, что произошло, не говорил, да и касаться этого было невозможно.

Жизнь его словно бы надломилась. Потом — всепожирающий пожар — сгорела переделкинская дача, погибли уникальные архивы Ираклия.

Последний раз я видел его в квартире в Астраханском переулке. Лицо его, всегда такое оживленное, меняющееся, вспыхивающее все новыми обликами, теперь было неподвижно. И только иногда он начинал почти беззвучно смеяться. На какой-то слабый миг оживало прежнее, андрониковское, заставляющее узнать дорогого Геракла.